

Я был потрясен тем, как изменился и похорошел Джулиан.

«Как мог этот уставший от жизни старик всего за несколько лет обрести такую живость и энергию?» Я молчал, не в силах этому поверить. Неужели какое-то магическое снадобье открыло ему источник молодости? В чем причина невероятного возрождения?

Первым заговорил Джулиан. Он поведал мне, что мир юриспруденции измотал его не только физически и эмоционально, но и духовно. Бешеный ритм и бесконечные требования истрепали и истощили его. Он признал, что его тело буквально разваливалось, а ум утратил блеск. Сердечный приступ был всего лишь симптомом более глубокой проблемы. Постоянное давление и жесткий график работы юриста мирового уровня сломали в нем самое важное — и, возможно, самое человеческое — его дух. Врач поставил его перед выбором — либо юридическая практика, либо жизнь, и он увидел в этом прекрасную возможность вновь разжечь тот внутренний огонь, что был знаком ему в молодые годы, огонь, который угас, когда работа перестала приносить ему удовлетворение и превратилась в обыкновенный бизнес.

Джулиан заметно оживлялся, повествуя о том, как он продал все свое имущество и отправился в Индию, — страну, чья древняя культура и мистические традиции всегда очаровывали его. Он рассказывал, как путешествовал из одной крохотной деревушки в другую, иногда пешком, иногда на поезде. Он познавал новые для себя традиции, созерцал вечные, не подвластные воздействию времени пейзажи; постепенно к нему приходила любовь к индийцам, от которых исходило тепло, доброта и живительная вера в истинный смысл жизни. Даже бедняки распахивали свои дома — и свои сердца — ему, утомленному путнику, пришедшему из Западного мира. В этой чарующей обстановке дни сливались в недели, и Джулиан постепенно начинал снова чувствовать себя живым и цельным — может быть, впервые с детских лет. Его врожденное любопытство и творческая искра мало-помалу возвращались к нему вместе с воодушевлением и жизненной энергией. Он стал чувствовать себя более радостным и умиротворенным. Он снова начал улыбаться.

Джулиан рассказал, что, хотя он наслаждался каждым мгновением своего пребывания в этой экзотической стране, его путешествие в Индию было чем-то большим, нежели просто отпуск для разгрузки перенапряженного мозга. Он описывал время, проведенное им в этой далекой стране, как «личную одиссею собственного я». Он сообщил мне, что был полон решимости разобраться, пока еще не поздно, кто он на самом деле и что есть его жизнь. Для этого, в первую очередь, нужно было окунуться в море древней мудрости той культуры, которая могла научить, как прожить просветленную, полезную и осмысленную жизнь.

— Не хочу показаться эксцентричным, Джон, но это было что-то вроде указания изнутри, какой-то внутренний голос велел мне начать духовное паломничество и зажечь ту искру, которую я когда-то утратил, — сказал Джулиан. — Для меня это было время небывалого освобождения.

Чем больше он узнавал, тем чаще слышал об индийских монахах, живущих более ста лет и, несмотря на свой почтенный возраст, остающихся молодыми, энергичными, бодрыми. Чем больше он путешествовал, тем больше узнавал о йогах, над которыми не властен возраст, которые овладели искусством управления сознанием и духовного пробуждения. И чем больше он видел, тем больше стремился понять движущие силы, стоящие за тайнами человеческой

природы, надеясь применить мудрость этих тайн к своей жизни.

На начальном этапе своего путешествия Джулиан повстречался со многими знаменитыми и почитаемыми мудрецами. Он рассказал, что все они принимали его с распростертыми объятиями и открытым сердцем, делясь каждой крупинкой знаний, накопленных в течение всей жизни, проведенной в спокойном созерцании окружающего величия. Джулиан также попытался описать красоту древних храмов, разбросанных по загадочной земле Индии, этих сооружений, высящихся как верные стражи вековой мудрости. Он говорил, что был глубоко затронут самой этой священной обстановкой.

— Это был какой-то волшебный период в моей жизни, Джон. Вот он я, старый усталый законник, который продал все, от своей беговой лошади до «Ролекса», и уместил оставшееся в большой рюкзак. С ним в своих поисках вечных традиций Востока я никогда не разлучался.

— Тяжело было все оставить? — выпалил я, не в силах сдержать любопытство.

— Знаешь, это было самое простое, что мне приходилось делать в жизни. Решение бросить практику и все нажитое пришло само собой. Альбер Камю однажды сказал, что «настоящая забота о будущем состоит в том, чтобы отдать все настоящему». Именно так я и поступил. Я знал, что должен как-то измениться, — поэтому я прислушался к велению сердца и решил все сделать сразу. Моя жизнь стала намного проще и куда осмысленнее, после того как я избавился от багажа своего прошлого. Прекратив тратить уйму времени на погоню за все более изысканными удовольствиями жизни, я научился наслаждаться простыми вещами: созерцать, как звезды танцуют в свете луны, или нежиться в солнечных лучах чудесным летним утром. А Индия так стимулирует работу ума, что я редко вспоминал обо всем, что оставил дома.

Поначалу встречи с мудрецами и старцами этой неповторимой страны хотя увлекли Джулиана, все же не раскрыли ему того знания, к которому он стремился. В те ранние дни его одиссеи и возделенная мудрость, и практические навыки, которым предстояло изменить качество его жизни, ускользали от него. Первый настоящий прорыв произошел лишь через семь месяцев пребывания Джулиана в Индии.

В Кашмире, древнем таинственном крае, дремлющем у подножия Гималаев, Джулиану наконец повезло. Здесь он встретил человека, которого звали Йог Кришнан. Этот хрупкий человек с наголо обритой головой любил шутить, белозубо улыбаясь, что в «прежней инкарнации» он тоже был юристом. Пресытившийся лихорадочным ритмом современного Нью-Дели, он тоже в свое время оставил материальные блага и удалился в мир величественной простоты. Он стал смотрителем деревенского храма и, по его словам, пришел к самопознанию и постижению своего предназначения в более широко понимаемом мире.

«Я устал от существования, похожего на бесконечные учения по воздушной тревоге. Я осознал, что моя миссия — служить другим людям и хоть что-то сделать, чтобы улучшить мир, в котором мы живем. Теперь я живу для того, чтобы давать, — сказал Кришнан Джулиану. — Я провожу дни и ночи возле этого храма, жизнь моя скромна, но исполнена смысла. Я делюсь своим откровением с каждым, кто приходит сюда молиться. Я помогаю тем, кто в нужде. Я не

священник. Я просто человек, обретший свою душу».

Джулиан поведал этому обратившемуся в йога юристу свою собственную историю. Он говорил о прежней жизни, о славе и достатке. Он рассказал Йогу Кришнану о своей жажде богатства и одержимости работой, о своих внутренних противоречиях и духовном кризисе, описал все то, что он пережил, когда его жизненное пламя начало мерцать и утративший гармонию образ жизни, подобно порывистому ветру, едва не задул этот огонек окончательно.

— Я тоже прошел этот путь, друг мой. Я тоже испытал боль, которую испытал ты. Однако я понял, что все имеет свою причину, — сочувственно отвечал Кришнан. — Все совершается с какой-то целью, и всякая неудача несет в себе урок. Я осознал, что потери — и личного, и профессионального, и даже духовного свойства — способны существенно раздвинуть горизонты личности. Они ведут к внутреннему росту и дают целый ряд духовных приобретений. Никогда не сожалей о прошлом. Отнесись к нему лучше как к доброму учителю.

Джулиан рассказал, что при этих словах Кришнана он возликовал. Возможно, в Кришнана он нашел именно того наставника, которого искал. Кто же мог лучше него, такого же в свое время преуспевавшего юриста, познавшего лучшую жизнь и прошедшего свою собственную душевную одиссею, передать ему тайны бытия — гармоничного, исполненного истинной красоты и наслаждения?

— Мне нужна твоя помощь, Кришнан. Мне нужно узнать, как построить более богатую, более полноценную жизнь.

— Для меня будет честью оказать тебе любую посильную помощь, — ответил на это Кришнан.
— Однако позволишь дать тебе один совет?

— Конечно.

— Сколько я живу, присматривая за храмом в этой маленькой деревушке, столько до меня доходят слухи о таинственных мудрецах, обитающих высоко в Гималаях. Говорят, что они открыли какую-то систему, способную существенно преобразовать качество жизни любого человека, — я имею в виду не только физическое здоровье. Считается, что это целостный единый свод вечных принципов и приемов, способных полностью раскрыть возможности разума, души и тела.

Джулиан был в восторге. Ему казалось, это то, что нужно.

— А где именно живут эти монахи?

— Никто не знает, а я, к сожалению, слишком стар, чтобы пускаться на поиски. Одно лишь скажу тебе, мой друг, многие пытались их найти, но их поиски заканчивались трагически — ничто не сравнится в опасности с высокими скалами Гималаев. Против их лавин и обвалов бессилён даже самый искусный скалолаз. Но если ты хочешь найти золотой ключ к крепкому

здоровью, непреходящему счастью и внутренней самореализации, то этого знания у меня нет, оно есть у них.

Джулиан, не привыкший легко сдаваться, продолжал расспрашивать Кришнана: «Ты точно не имеешь никакого представления, где они живут?»

— Могу сказать тебе только, что местные крестьяне называют их Великими Мудрецами Сиваны. По их верованиям, Сивана означает «оазис озарения». Эти мудрецы почитаемы и влиятельны настолько, насколько могут быть почитаемы и влиятельны лишь божественные создания. Если бы я знал, где их найти, я счел бы своим долгом сообщить тебе это. Но я и вправду не знаю, и никто не знает.

На следующее утро, едва первые лучи индийского солнца заиграли на красочном горизонте, Джулиан отправился в путь на поиски потерянной земли Сиваны. Сначала он подумывал о том, не нанять ли проводника-шерпа, который помог бы ему в восхождении по горам, но, по какой-то странной причине, инстинкт подсказал ему, что он должен проделать этот путь в одиночку. Итак, пожалуй впервые в жизни, он сбросил кандалы разума и вместо этого доверился своей интуиции. Он чувствовал, что с ним все будет в порядке. Он почему-то не сомневался, что найдет то, что искал. Так, с миссионерской страстью в душе, он начал восхождение.

Первые несколько дней прошли легко. Иногда он догонял какого-нибудь приветливого крестьянина из оставшейся внизу деревни, взбиравшегося по горной тропке в поисках либо подходящей коряги для резьбы по дереву, либо какого-нибудь заповедного местечка, которое в этом неземном краю мог найти всякий, кто осмеливался взобраться так высоко к Небесам. Временами он шел один, молча размышляя над тем, что ему довелось пережить и что ждет его впереди.

Вскоре деревушка внизу стала казаться лишь крошечным пятном на великолепном холсте, созданном кистью природы. Величие покрытых снегом пиков Гималаев заставило его сердце биться чаще, а один раз у него даже на некоторое время перехватило дыхание. Он почувствовал, что стал единым целым с окружающей природой, испытал некое с ней родство, свойственное старинным друзьям, годами с полным пониманием выслушивающим сокровенные мысли и шутки друг друга. Свежий горный воздух прояснил его ум и взбодрил дух. Неоднократно объехав вокруг света, Джулиан полагал, что видел весь мир. Но никогда прежде он не видел подобной красоты. Великолепие, к которому ему довелось приобщиться в это удивительное время, было изысканной данью симфонии природы. Он вдруг почувствовал радость, оживление и освобождение от всех забот. Именно здесь, поднявшись над всем человечеством, Джулиан стал медленно выбираться из кокона обыденности и приобщаться к царству, лежащему за пределами обычного.

— Я до сих пор помню слова, зазвучавшие в моей голове там, высоко в горах, — сказал Джулиан. — Я подумал, что жизнь в конечном итоге сводится к выбору. Судьба человека складывается в соответствии с выбором, который он делает, и мой выбор — я чувствовал это — был правильным. Я знал, что моя жизнь никогда уже не будет прежней и что-то чудесное и даже волшебное скоро со мной произойдет.

Это было изумительное пробуждение. Чем дальше забирался Джулиан в безлюдные районы Гималаев, тем сильнее, как он говорил, охватывало его волнение.

— Но это, — сказал он, — было то чувство приятного беспокойства, которое переживаешь на выпускном школьном балу или перед началом первого громкого процесса, когда журналисты караулят тебя на ступеньках у входа в зал суда. И хотя к моим услугам не было ни проводника, ни карты, путь мой был прям и ясен, и мне легко шагало по едва заметной тропинке, уводящей меня все выше, в самые заповедные уголки гор. словно какой-то внутренний компас осторожно подталкивал меня к моей цели. Не думаю, что я смог бы прекратить свое восхождение, даже если бы пожелал. — Джулиан был взволнован, его речь текла бурно, подобно полноводному горному ручью после дождя.

В течение последующих двух дней путешествия по маршруту, который, как он надеялся, приведет его к Сиване, Джулиан мысленно обращался к своей прежней жизни. Хотя теперь он чувствовал себя полностью свободным от напряжения и перегрузок, свойственных миру, в котором он ранее обитал, он не был уверен, сможет ли провести остаток своих дней, лишенный тех творческих задач, которые со дня окончания Гарварда были непременным атрибутом его жизни. Затем он переносился мыслями в обшитый дубом офис сверкающего небоскреба в фешенебельном районе города, далее — в уютный загородный дом, проданный им за бесценок. Он думал о своих старых друзьях, с которыми частенько заезжал в самые дорогие рестораны. Он вспоминал и свой любимый «феррари»: как взлетало его сердце, когда он запускал мотор и свирепая машина оживала под его руками.

По мере того как он углублялся в таинственные горные уголки, предстающие перед ним чарующие красоты затмевали его размышления о прошлом. В тот момент, когда он впитывал дары мудрости природы, с ним произошло нечто поразительное.

Впереди, немного повыше он заметил краем глаза какую-то фигуру, облаченную в причудливую длинную красную накидку, с темно-синим капюшоном на голове.

Джулиан был поражен, увидев человека в этом безлюдном месте, куда ему пришлось добираться семь исполненных опасности дней. Находясь на расстоянии многих миль от какой бы то ни было цивилизации и все еще не зная, где искать конечную цель своего путешествия — Сивану, — он решил окликнуть своего товарища по путешествию.

Человек ничего не ответил, а лишь быстрее зашагал вверх по тропе, по которой они оба взбирались, не оглянувшись, не показав, хотя бы из вежливости, что он услышал оклик. Вскоре таинственный путник уже бежал, его алая накидка развевалась у него за спиной, словно накрахмаленная простыня на бельевой веревке в ветреный осенний день.

— Друг, пожалуйста, помоги мне найти Сивану. Я прошагал семь дней почти без воды и пищи, — воскликнул Джулиан. — Кажется, я заблудился.

Человек резко остановился. Пока Джулиан осторожно приближался, путник оставался совершенно неподвижен и хранил молчание. Его голова не шелохнулась, руки не дрогнули,

ноги, казалось, приросли к земле. Джулиан не мог разглядеть скрытого капюшоном лица, но был поражен содержимым корзинки, которую человек держал в руке. В корзинке были цветы, изящнее и прекраснее которых Джулиану не доводилось видеть. Когда Джулиан приблизился, человек крепче сжал корзинку в руке, словно демонстрируя одновременно и ценность, которую для него представляло ее содержимое, и недоверие к этому высокому белому человеку: появление ему подобных в этих краях случалось не чаще, чем выпадает роса в пустыне.

Джулиан разглядывал путника с крайним любопытством. Скользнувший луч солнца озарил скрываемое под просторным капюшоном лицо мужчины. Но Джулиану раньше не доводилось видеть человека, подобного этому. Хотя они, на вид, были почти ровесники, в чертах лица этого человека было что-то настолько поразительное, что Джулиан, казалось, на целую вечность застыл, замороженно уставившись на путника. Взгляд незнакомца был настолько пристальным, что Джулиан невольно отвел глаза. Оливкового цвета кожа путника была гладкой и упругой. И хотя руки выдавали, что он уже не молод, от него исходило столько свежести и жизненной силы! Джулиан был очарован, словно ребенок, впервые увидевший мага-волшебника на цирковом шоу.

«Должно быть, это один из Великих Мудрецов Сиваны», — подумал Джулиан, не в силах сдержать восторг от своего открытия.

— Я Джулиан Мэнтл. Я пришел учиться у Мудрецов Сиваны. Вы не знаете, где я могу их найти? — спросил он.

Человек пристально разглядывал усталого западного гостя. Его спокойствие и умиротворенность делали его похожим на ангела, которому ведомо абсолютно все.

Он заговорил тихо, почти шепотом: «А для чего ты ищешь этих мудрецов, друг мой?» Джулиан почувствовал, что это и есть один из тех монахов, которых мало кому удавалось увидеть. Он открыл свое сердце и поведал путнику свою одиссею: рассказал о своей прежней жизни, о духовном кризисе, с которым боролся, о том, как променял когда-то здоровье и силу на призрачные блага, доставляемые профессией адвоката. Он говорил о том, как променял свое душевное богатство на солидный банковский счет, иллюзорное удовлетворение от жизни по принципу «торопись жить, умри молодым». Он рассказал о своем приезде в Индию и о встрече с Йогом Кришнаном, в прежней жизни — юристом из Нью-Дели, который тоже порвал с прошлым в надежде обрести внутреннюю гармонию и непреходящее умиротворение.

Путешественник хранил молчание. Он не шелохнулся. Он заговорил снова только после того, как Джулиан поведал ему о своем жгучем желании, почти одержимости познать древние принципы прозрения. Положив руку на плечо Джулиана, человек ласково вымолвил: «Если ты и вправду всем сердцем желаешь постичь мудрость более совершенной жизни, тогда мой долг помочь тебе. Я действительно один из тех мудрецов, в поисках которых ты так далеко забрался. Ты первый человек, нашедший нас за долгие годы. Поздравляю тебя. Я восхищаюсь твоим упорством. Должно быть, ты был стоящим адвокатом», — добавил он.

Он на мгновение умолк, словно раздумывая, что делать дальше, а затем продолжил: «Если

хочешь, пойдём со мной в наш храм, будешь моим гостем. Он находится в скрытом от глаз месте этих гор, до него отсюда ещё много часов ходьбы. Мои братья и сестры раскроют тебе свои объятия. Мы вместе научим тебя древним принципам и традициям, которые наши предки передали нам через века».

— Прежде чем я введу тебя в наш уединенный мир и поделюсь собранными нами знаниями, которые наполнят твою жизнь радостью, придадут тебе силы и укажут цель, я должен взять с тебя одно обещание, — попросил мудрец. — Познав все эти вечные истины, ты должен будешь вернуться на Запад, в свою родную страну, и поделиться обретенной мудростью со всеми, кто пожелает тебя слушать. Хотя мы и оторваны от всех в этих волшебных горах, мы знаем, каким хаосом охвачен ваш мир. Добрые люди перестают видеть свой путь. Они имеют право на надежду, и ты должен дать им ее. И что самое важное — научить их добиваться своей мечты. Вот все, о чем я прошу.

Джулиан тут же принял условия мудреца и пообещал донести его послание до Запада. Когда они вместе двинулись вверх по горной тропке к затерянной деревушке Сивана, индийское солнце уже клонилось к закату, огненный багровый шар плавно скользил, впадая в дремоту после долгого утомительного дня. Джулиан признался, что никогда не сможет забыть величие того момента: он шагал рядом с индийским монахом, над которым не властен возраст, испытывая к нему чувство братской любви. Они направлялись к месту, куда он так стремился, полному чудес и тайн.

«Это был, несомненно, незабываемый момент в моей жизни», — сообщил мне Джулиан. Он и раньше считал, что жизнь сводится к нескольким ключевым моментам. Сейчас это был один из них. Глубиной своей души он чувствовал, что тут было начало его новой, следующей жизни, которая будет куда более значительной, чем прежняя.

<http://tl.rulate.ru/book/21787/453944>